

СОСТОЯНИЕ ХОЗЯЙСТВА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В. (ПО ДАННЫМ ВЫБОРОЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДВОРНЫХ ОПИСЕЙ КРЕПОСТНОЙ ЭПОХИ)

Л.М. РЯНСКИЙ

Курский государственный университет

e-mail: rianskij@mail.ru

Л.М. Рянский при помощи математико-статистических методов доказал, что перед реформой 1861 г. крестьянское хозяйство Курской губернии сохраняло стабильное состояние. Следовательно, сохранялась основа для дальнейшего развития крепостной экономики.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, математико-статистические методы, крепостная экономика, отмена крепостного права

Изучение предреформенной крепостной деревни в историко-исследовательском плане началось в отечественной историографии еще на рубеже XIX – XX вв., но особенно широкий размах оно приобрело в середине прошлого столетия в русле разработки проблемы кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России. При этом главное внимание историками было уделено исследованию процессов, протекавших в крестьянском хозяйстве, так как «они определяли социально-экономическое развитие русской деревни ... служили основным фактором крушения старых феодально-крепостнических форм хозяйства и складывания предпосылок ликвидации крепостного права»¹.

Характеризуя сущность кризиса крепостничества, И.Д. Ковальченко выделил две тенденции в социально-экономическом развитии предреформенной России: 1) возможности развития производства на основе крепостнических отношений были в основном исчерпаны, что особенно ярко проявилось в барщинной деревне, где в силу предельно высокой интенсивности эксплуатации крестьян в наибольшей мере снизился уровень их хозяйства и тем самым «подтачивался фундамент, на котором возвышалась вся система феодального производства»; 2) «ведущей и определяющей была тенденция прогрессирующего развития общественного производства на основе мелкотоварных и капиталистических отношений»². Но если вторая тенденция, по нашему мнению, была обоснована И.Д. Ковальченко, В.А. Федоровым и другими историками достаточно убедительно, хотя и несколько односторонне, то первая требует по меньшей мере дополнительного изучения. В частности, не были определены достаточно четко границы снижения уровня крестьянского хозяйства, за которыми должно начинаться «подтачивание» фундамента крепостнической системы. Как представляется, простой констатации и даже показа динамики такого снижения в данном случае явно недостаточно. Необходимо определение четких количественных критериев для оценки указанного снижения, которые помогли бы если и не разрешить данный вопрос, то по крайней мере, к нему приблизиться. Нетрудно понять, что искать критерии такого рода следует в состоянии самого крестьянского хозяйства, в первую очередь в период, который предшествовал отмене крепостного права, когда масштабы его ожидаемого разорения в принципе должны были быть наибольшими.

Безусловно важным является и вопрос о направленности изменений, происходивших в крестьянском хозяйстве, но он же относится и к числу трудно разрешимых из-за состояния источников. В литературе уже высказывалось предостережение об опасностях, ожидающих исследователей на этом пути: «легко принять локальную особенность за общую закономерность и выдать кратковременное преходящее колебание за необратимый сдвиг»³. Наглядной иллюстрацией сказанному может служить следующий факт, касаю-

¹ Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974. С.3.

² Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С.378 – 380.

³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986. С.246.

щийся, правда, соседней Воронежской губернии. В Копьянском имении Бибковых в 1840 г. средняя обеспеченность крестьян тягловой силой составляла 4,9 лошади в расчете на двор и 2,3 – на работника-мужчину. К 1851 г. произошло сокращение количества лошадей до 4,2 головы на двор и до 1,6 – на работника. Однако к 1854 г. эти показатели повысились соответственно до 4,7 и 1,9⁴. В такой ситуации конечные данные, т.е., относящиеся к середине XIX в., приобретают особое, приоритетное значение, так как в них саккумулировались итоги предшествующего развития.

Целью настоящей статьи является изучение состояния хозяйства и положения помещичьих крестьян Курской губернии в 40 – 50-х гг. XIX в. на основе подворных описей 65 курских имений⁵. Заметим попутно, что в числе выявленных и изученных И.Д. Ковальченко подворных описей 183 имений Европейской России фигурируют и описи 7 курских поместий, однако они относятся к 20 – 30 гг. XIX в.

Содержащаяся в данных источниках информация, пожалуй, наиболее адекватно отражает состояние хозяйства крепостных крестьян в первой половине XIX в. Подворные описи хранятся в личных фондах помещиков и в фондах некоторых учреждений. Подавляющее их большинство обнаружено нами в фондах Курской палаты гражданского суда (Ф.59) и Рыльской дворянской опеки (Ф.294) Государственного архива Курской области.

Имеются определенные основания рассматривать всю совокупность подворных описей 65 имений Курской губернии как случайную естественную выборку объемом примерно 1,6%. В ней представлены описи поместий, находившихся на территории 14 уездов губернии из 15 (исключением стал Новооскольский уезд). Возникновение источников было связано с таким случайным обстоятельством, как установление над имениями опеки. В данной совокупности преобладают средние и мелкие поместья, что в целом соответствует стратификации курского дворянства. Большинство имений были барщинными, в четырех крестьяне находились на оброке, в одном – на смешанной повинности. Единственным существенным изъяном представленной совокупности описей является отсутствие в ней данных о крупнейших курских латифундиях. В самом крупном из вошедших в нее имений – Волоконовской вотчине Кочубеев – в 1847 г. насчитывалось более 700 душ мужского пола. Все сказанное, на наш взгляд, допускает возможность применения выборочного метода при обработке и анализе данных совокупности с целью получения хотя и не идеально точных, но все же близких к реальным оценкам средних значений важнейших характеристик крестьянского хозяйства.

Поскольку выводимые показатели – не абсолютные величины, а отношения, для компьютерной обработки информации была избрана наиболее адекватная генетически разновидность выборочного исследования – метод отношения средних и соответствующие формулы оценок по отношению⁶.

Результаты обработки данных представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Основные показатели состояния хозяйства помещичьих крестьян
Курской губернии в 40 – 50-х гг. XIX в.**

Признаки	Средние значения R	Стандартная ошибка (s(R))	Доверительные интервалы R при вероятности 0,9545 (t = 2)
1	2	3	4
душ мужского пола на двор	4,935	0,125	4,685 – 5,185
работников-мужчин на двор	2,716	0,097	2,522 – 2,910

⁴ Государственный архив Воронежской области. Ф.167. Оп.1. Д.2230.

⁵ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.33. Оп.2. Д. 3587; Ф.59. Оп.2. Д.2192, 3005, 3009, 3070, 3079, 3091, 3223, 3601, 3642, 3644, 3645, 4142, 4145, 4214, 4259, 4327, 4527, 4729, 4788, 4789, 4889, 4972, 4976, 6722, 6727, 6857, 6881, 6907, 6916, 7012; Ф.294. Оп.1. Д.479, 492, 493, 499, 551, 552, 554, 555, 622, 634, 639, 641, 642, 646, 658, 694, 707, 730, 733, 735, 743, 778, 783, 786, 787, 794, 795.

⁶ См. Кокрен У. Методы выборочного исследования. Пер с англ. М., 1976. С.45 – 47.

Окончание табл. 1

1	2	3	4
лошадей:			
на двор	4,119	0,222	3,675 – 4,563
на мужскую душу	0,835	0,036	0,763 – 0,907
на работника-мужчину	1,516	0,079	1,358 – 1,674
крупного рогатого скота:			
на двор	2,321	0,317	1,687 – 2,636
на мужскую душу	0,470	0,062	0,346 – 0,594

Итак, данные табл. 1 свидетельствуют о том, что в помещичьих имениях крестьянские дворы были весьма многолюдными. В среднем на один двор приходилось почти 5 душ мужского пола при достаточно узких доверительных границах этой оценки – от 4,7 до 5,2 души. Так как число женщин было примерно таким же, то, следовательно, в одном дворе проживало в среднем около 10 человек. Таким образом, крестьянские хозяйства располагали солидными ресурсами семейной рабочей силы. На селе в трудовом процессе принимали то или иное участие все трудоспособные члены семей. Однако ведущую роль в ведении хозяйства и выполнении различных повинностей играли, конечно, полные работники (к ним мы относим мужчин от 18 до 60 лет и женщин от 17 до 55 лет). По выборке, в одном крестьянском хозяйстве насчитывалось в среднем 2,7 работника-мужчины или более 5 работников обоего пола. Доверительные вероятности этих оценок составляют соответственно 2,5 – 2,9 и 5,0 – 5,8. Предположительно, этого количества полноценной рабочей силы крестьянам должно было быть достаточно как для ведения собственного хозяйства, так и для выполнения повинностей, тем более что в семьях имелись также полуработники обоего пола.

Помещики, несомненно, уделяли пристальное внимание вопросам обеспечения крестьянских дворов рабочей силой. Одной из мер в этом направлении был запрет не санкционированных семейных разделов. Другая мера – слияние семей или дворов. Показательным в этом отношении является изменение количества дворов в с. Цуканов Бобрин, принадлежавшем Сафоновым. Согласно подворной описи 1848 г., в этом имении насчитывалось 52 двора и 211 мужских душ, а по описи 1852 г. – соответственно 34 и 222. Следы подобных, иногда частичных, объединений крестьянских дворов просматриваются и в подворных описях других поместий (появление в семьях приемышей, отдаленных родственников и т.д.). Например, из описи 1860 г. Низовцевского имения В.С. Воропанова, где безлошадные и однолошадные дворы отсутствовали вовсе, видно, что в семье Федора Михайленкова числился тридцатипятилетний приемыш Иван Григорьев с двумя малолетними сыновьями, у Феокиста Тимонина – двадцатилетний Иван Рыкалов, у Ивана Осипова – Харитон Щураков. Видимо, институт приемышей был довольно распространенным, хотя это и слабо отразилось в источниках. Все приведенные факты есть не что иное как проявление регулирующего патронажа со стороны помещиков.

Прежде чем перейти к анализу обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом необходимо сделать весьма существенное замечание источниковедческого характера. В большинстве описей крестьянский скот не разделяется на взрослый и молодняк. Между тем при рассмотрении вопроса о состоянии производственного потенциала крестьянства требуются данные о количестве именно рабочего скота. Однако это обстоятельство не является непреодолимым препятствием для получения этого показателя. В 14 описаниях указанное подразделение приведено, что и позволяет найти величину необходимой поправки. Из общего количества 14 имений в 3-х крупных вотчинах отношение жеребят к рабочим лошадям составляло 0,3, также в 3-х (одно из них мелкое) – 0,2, в 4-х мелких – 0,1, еще в 4-х мелких – 0,4. Среднее же значение показателя по всем имениям составило 0,3, следовательно, поправочный коэффициент для вычисления количества взрослых лошадей будет равен 0,7.

Как свидетельствуют данные табл. 1, в крестьянских дворах насчитывалось в среднем по 4,1 лошади. Нижней границей данной оценки было значение 3,7, верхней – 4,6. Таким образом, с учетом коэффициента (0,7) крестьянские хозяйства должны были иметь в среднем по 2,9 головы рабочей лошади при амплитуде колебаний этого показателя от

2,6 до 3,2. Даже если ориентироваться на значение нижней границы анализируемого параметра, следует признать обеспеченность крестьян рабочими лошадьми удовлетворительной. Стоит заметить, что трехлошадные двory в 1890-х гг. В.И. Ленин относил к зажиточной группе⁷, хотя тогда численность крестьянских семей, наверняка, была меньшей, чем до отмены крепостного права. Поэтому встает вопрос об определении уровня крестьянского хозяйства.

И.Д. Ковальченко в своей первой публикации, посвященной анализу расслоения крепостного крестьянства по данным подворных описей, выдвинул в качестве важнейшего показателя уровня крестьянского хозяйства количество скота в расчете на одного работника⁸, что впоследствии было высоко оценено другим крупным исследователем – Б.Г. Литваком⁹, но позже сам же от него и отказался, отдав предпочтение расчету на мужскую душу.

Солидаризуясь с позицией Б.Г. Литвака, мы также оцениваем показатель количества рабочего скота, приходящегося на работника, как один из важнейших и предлагаем использовать его в качестве критерия при установлении той грани, за которой могло начинаться саморазрушение крепостной системы хозяйства. Количественным выражением предложенного критерия для земледельческих крестьян должно быть, по нашему мнению, **наличие рабочей лошади у каждого работника**. Разумеется, указанную величину не стоит слишком абсолютизировать, напротив, следует учитывать конкретную ситуацию. При необходимости можно привлекать данные о других параметрах крестьянского хозяйства в качестве корректирующих показателей. По большому счету, выдвинутое нами условие можно признать даже завышенным, поскольку целый ряд сельскохозяйственных работ не требовал обязательного привлечения тягловой силы. В других случаях, например, при доставке на усадьбу убранных урожаев или сена, на одну упряжку требовалось по несколько работников. Тем более надежными и достоверными должны быть полученные на основе проведенного исследования выводы.

Обратимся теперь к конкретному анализу поставленного вопроса об обеспеченности лошадьми работников-мужчин. Из табл. 1 видно, что в выборочной совокупности имений на работника приходилось в среднем 1,52 лошади. Нижняя граница данной оценки составляет 1,36, верхняя – 1,67. Введя в расчеты поправочный коэффициент (0,7), получаем оценку количества **рабочих** лошадей, приходящихся на работника: среднее значение – 1,06, его нижний доверительный интервал – 0,95, верхний – 1,17. Таким образом, оценка по нижней границе (0,95) практически не пересекает обозначенную нами черту (1 рабочая лошадь на работника). Более того, в действительности ее следовало бы даже несколько поднять, так как крестьяне некоторых поместий, вошедших в выборку, кроме лошадей содержали рабочих волов (в таблице они включены в состав крупного рабочего скота). Также данный показатель можно повысить и за счет жеребят, потому что они использовались на некоторых работах частично. В число жеребят тогда включались вообще все лошади, не достигшие рабочего возраста. По наблюдению современника, «обязательно каждое тягло имеет езжалую лошадь с подростком, который ходит в бороне»¹⁰. К сожалению, количество жеребят старших возрастов не поддается учету.

Мы рассмотрели предельно низкий, невыгодный для крестьян вариант анализируемого параметра, но гораздо более правильной будет ориентация на его среднее значение. И дело не только в том, что в репрезентативной выборке средняя оценка стремится к генеральной средней. Имеется еще один резерв для повышения значения анализируемого показателя среди тех имений, которые, на первый взгляд, не отвечают заданному достаточно жесткому требованию. Для этого необходимо выяснить, не нуждаются ли в коррективах показатели в таких имениях. Соответствующие данные приведены в табл. 2, где единицы совокупности сгруппированы по количеству лошадей в расчете на 1 двор. Кроме

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.135.

⁸ Ковальченко И.Д. Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в. (к вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства) // Исторические записки. 1956. Т.56. С.164.

⁹ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации (XIX – начала XX в.). М., 1979. С.92.

¹⁰ Цит. по: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. Пер. с англ. М., 1993. С.43.

того, они сведены в два массива по признаку количества рабочих лошадей, приходящихся на 1 работника.

Таблица 2

Распределение имений в выборке по мощности крестьянских хозяйств

Группы имений по числу лошадей в расчете на двор	Имений	Дворов	В среднем на двор			
			душ м.п.	работников	лошадей	КРС
Имения с показателем менее 1 рабочей лошади на работника-мужчину						
до 2 лошадей	6	84	3,5	2,1	1,5	1,0
до 3 лошадей	8	154	4,3	2,3	2,6	1,4
3 и более лошадей	10	243	5,4	3,0	3,7	2,0
итого	24	481	4,7	2,6	3,0	1,6
Имения с показателем 1 рабочая лошадь и более на работника-мужчину						
от 2 до 3 лошадей	6	70	3,5	1,7	2,5	1,3
до 4 лошадей	10	155	4,6	2,5	3,7	1,7
более 4 лошадей	25	669	5,3	2,8	5,2	3,1
Итого	41	894	5,0	2,7	4,7	2,7
Всего	65	1375	4,9	2,7	4,1	2,3

Как показывают данные табл. 2, по своим экономическим показателям первый массив имений значительно уступает второму (по лошадям на 56,7%, по крупному рогатому скоту – на 68,8), чего нельзя сказать относительно данных о населении и особенно работников (разница составляет 6,4 и 3,8%). Пожалуй, самого пристального внимания заслуживает высшая группа (3 и более лошадей на двор) первого массива имений, отличающаяся весьма высокими хозяйственными показателями. По количеству лошадей и КРС на двор она существенно превосходила первую группу второго массива и не слишком уступала второй. Закономерно возникает вопрос о причинах попадания столь состоятельной группы в, так сказать, не подходящую ей компанию. Ответ на него следует искать в сложившейся в группе демографической ситуации. В самом деле, по количеству населения и работников она опережала все три группы второго массива (см. табл. 2). Словом, рассматриваемый показатель (число рабочих лошадей на работника) оказался в ней заниженным из-за непропорционально большого количества самих работников. Но то, что плохо для показателя, вовсе не является таковым для крестьянского хозяйства. В любом случае, наличие в нем большего количества работников, пусть и безлошадных, предпочтительнее, чем их отсутствие. Входящие же в рассматриваемую группу крестьянские хозяйства были в целом ничуть не хуже, а может, даже и лучше, чем хозяйства в низшей группе, принадлежащей ко второму массиву. Но если данная группа равноценна первой и второй группам второго массива, то она и должна занять в нем свое законное место. В этом случае наш «черный список» (первый массив имений) сократится с 24 до 14 имений, а их доля составит: в числе имений – 21,5%, в населении – 2,2, в работниках – 2,3, в лошадях и КРС – 1,3%. Соотнеся долю имений (21,5%) с остальными показателями мы увидим, что недостаточная обеспеченность крестьян рабочим скотом была характерной для совсем небольшой части преимущественно мелких имений, т.е. являлась исключением. Правилom же было противоположное сказанному.

Выше уже указывалось на такой недостаток нашей выборки, как отсутствие в ней подворных описей крупнейших помещичьих латифундий. В какой-то мере это компенсируется наличием данных по части громадной по своим размерам Ракитянской вотчины Юсуповых, относящихся, правда, к несколько более раннему периоду. В 1837 г. в слободе Ракитной в расчете на одного работника приходилось в среднем 1 рабочая лошадь, 0,2

нерабочей, 0,2 рабочего вола. Следовательно, ракирянские крестьяне незадолго до изучаемого периода имели необходимый минимум рабочего скота¹¹.

Для более полной и всесторонней характеристики изучаемого явления полезно дополнить его количественный анализ анализом описательным. В первый массив имений попало Гламаздинское имений Нелидовых, где на работника приходилось менее одной рабочей лошади, и значит, формально оно было малосостоятельным в экономическом отношении. Однако такое предположение опровергается напрочь корректирующими показателями. Здесь в среднем на двор насчитывалось 7,2 души мужского пола, около 4-х работников-мужчин, 3,8 лошади, 3,6 головы крупного рогатого скота. До трети дворов имели маслобойни, заведение которых обходилось дорого и было под силу только настоящему зажиточным сельским хозяевам. К тому же имение было оброчным. Совершенно очевидно, что оно должно находиться в массиве «нормальных» имений.

Между прочим, это применимо не только к имениям третьей группы, но и к некоторым поместьям второй группы первого массива. Что касается первой, не блещущей своими показателями, группы, то поместья попали в нее вовсе не обязательно по причине чрезмерной эксплуатации крестьян. Повседневность крепостной деревни изобиловала ситуациями, когда на положение крестьян сильное, а порой и решающее воздействие оказывали внешние и, в сущности, случайные факторы.

Возьмем Ломакинское поместье Бураго, где количество лошадей и жеребят сократилось с 2-х голов на работника в 1819 г. до 1,2 головы в 1855 г. Рост эксплуатации, судя по всему, не стал ведущей причиной обеднения здешних крестьян: размер барской запашки сократился за указанный период с 2,5 до 2-х дес. на мужскую душу. Естественный ход эволюции крестьянского хозяйства, видимо, был нарушен следующими обстоятельствами. По разделу 1826 г. часть имения, доставшаяся дочерям умершего владельца, по существу оказалась бесхозной. Крестьяне «с умысла скудоумного» распродали лошадей. Самовольный уход на заработки и побег из имения приняли повальный характер. Впоследствии это разоренное хозяйство возвратилось в состав Ломакинского поместья, понизив в нем хозяйственные показатели. А в 1845 г. владельцы сдали Ломакинское поместье в аренду сроком на 10 лет дворянину Самойлову¹².

Самым бедным, точнее сказать нищим, поместьем, попавшим в выборку, было Сухиновское имение Юстовых. Здесь на каждый из 14 дворов приходилось в среднем по 4,1 мужской души, 2,8 работника-мужчины, 1,2 лошади, 1 голове крупного рогатого скота. Не обладая никакой другой информацией, кроме этих цифр, очень легко можно было бы придти к опрометчивым выводам. Однако в подворной описи содержатся не бросающиеся в глаза пометки, из которых следует, что в 11 крестьянских усадьбах «строение сгорело».

Яркие жизненные зарисовки пожаров и других стихийных бедствий приводятся в документации личного архива Барятинских. Например, в 1845 г. в Ивановской вотчине местная крестьянка «от неосторожности» зажгла в сенях пеньку. В результате сгорело 5 крестьянских усадеб. Пожар удалось локализовать и потушить только благодаря тихой погоде¹³.

Здесь же с 14 на 15 июня 1817 г. ударил «необыкновенный по теперешнему летнему времени мороз», побивший или повредивший кретьянскую гречиху на площади 2 тыс. десятин. С 23 августа после жары «сделалась холодная погода, а по ночам изрядные мороза», которые «повредили» посеянные в начале лета поля гречихи. Поэтому, по словам конторщика, взыскать с крестьян и малороссиян недоимки «никак не возможно», и «бедность крестьянская через тяжелые работы и неурожай хлеба усилилась достаточною степени ... многие имеют нужду и приступают с новым требованием от господских (хлебных) магазейнов на пропитание семейства»¹⁴.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1090. Оп.3. Д.5076. Л.406 – 477 (подсчет наш).

¹² Рянский Л.М. Помещичье и крестьянское хозяйство XIX в. (на примере ломакинского имения Бураго Рыльского уезда) // Материалы для изучения селений России. Ч.1. История, демография, экономика, экология, верования. М., 1997. С.91 – 92.

¹³ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф.19 (Барятинские). Оп.1. Д.156. Л.118.

¹⁴ Там же. Л.118, 145 – 145об., 155 об.

Рассмотрим теперь еще один существенно значимый вопрос о соотношении работников и тягол. В нашем распоряжении имеются данные о количестве тягол по 15 именам. Обработка этих данных дала следующие результаты. В среднем на тягло приходилось 1,8 работника. При вероятности 0,9545 (для малой выборки $t = 2,13$) предельная ошибка средней оценки составила 0,177. Следовательно, ее нижней границей было значение 1,623, а верхней – 1,977. Обратное соотношение – 0,55 тягла на работника-мужчину. Таким образом, крестьянские хозяйства располагали значительными ресурсами затыгловой рабочей силы, притом, как мы уже знаем, вооруженной достаточным количеством тяглого скота.

В слободе Ракитной анализируемый показатель был хуже, чем по выборке (1,2 работника на тягло), но в Ракитянском имении и размер барской запашки в расчете на мужскую душу (1,5 дес.) был ниже, чем в других имениях.

Другим важнейшим критерием, по которому можно судить о степени устойчивости крепостной системы хозяйства в условиях Курской губернии, является, на наш взгляд, наличие у барщинных крестьян земельного надела в размере **не менее двух десятин пашни на мужскую душу**. В оброчных имениях он мог быть и меньше, так как здесь крестьяне располагали довольно широкими возможностями для промысловой деятельности. Приведем результаты несложных арифметических подсчетов применительно к определенному по выборке среднему крестьянскому двору из 10 чел., имевшему надел в 10 дес. пашни. При трехпольной системе в хозяйственном обороте находилось 6,7 дес. из 10. С такой площади даже при урожайности равной сам-3 можно было собрать, за вычетом семян, 20 четвертей зерна или по 2 четверти на каждого члена семьи. Тогдашняя норма годового продовольствия крестьян оценивалась современниками в 2,5 четверти на душу.

Но на самом деле среднегодовая урожайность хлебов на крестьянских полях, по всей видимости, была выше уровня сам-3, о чем свидетельствуют даже явно заниженные сведения губернаторских отчетов, не говоря уже о свидетельствах других источников. Согласно обследованию Министерства госимуществ, в середине XIX в. урожайность ржи в Курской губернии колебалась в пределах от сам-3 до сам-8,5, при среднем значении сам-6,4¹⁵. Автор превосходного описания о крестьянском быте указывал, что «на лучших крестьянских полях» в благоприятные годы урожайность ржи достигала значения сам-15, пшеницы – сам-20, овса – сам-13, гречихи – сам-12, гороха – сам-25 и конопли – сам-10¹⁶.

Если в нашем примере уровень урожайности повысить до сам-4, то на каждого члена крестьянской семьи будет приходиться уже по 3 четверти разного хлеба, а при урожайности сам-5 – 4 четверти.

Что касается реального надела барщинных крестьян Курской губернии перед реформой 1861 г., то он был выше указанного нами минимума. По данным Б.Г. Литвака, он достигал 2,8 дес. всех угодий на мужскую душу, в том числе 2,4 дес. пашни¹⁷. Это обеспечивало продовольственные и хозяйственные потребности крестьян в зерне даже при урожайности, равной сам-3.

Часть подворных описей содержат сведения (к сожалению, лапидарные и не всегда надежные) об обеспеченности крестьян собственным хлебом. Приведем несколько твердо установленных фактов, касающихся вошедших в выборку имений, достоверность которых не вызывает сомнения.

Крестьяне Забужевского поместья П. Апостола-Кегича (Суджанский уезд) в октябре крайне неурожайного 1855 г. имели по 1,5 четверти озимого и ярового зерна на душу обоого пола. Следовательно, до нового урожая им не хватало по 0,4 четверти хлеба для продовольствия, а также семян для посева яровых. Крестьянам Бяховского поместья Сафоновых (Рыльский уезд) собранного в том же году хлеба оказалось достаточно для удовлетворения всех своих потребностей. В июне 1856 г. у них еще оставалось по 0,4 четверти зерна на душу.

¹⁵ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. Вып. II. СПб., 1859. С.250.

¹⁶ Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник РГО. Вып. V. СПб., 1862. С.196.

¹⁷ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861 – 1895 гг. М., 1972. С.77, 101.

В Костровском имении Кусаковых (Рыльский уезд) в 1846 г. обеспеченность крестьян хлебом составляла в переводе на зерно 2,9 четверти. У крестьян Пятницкого имения Мацневых (Старооскольский уезд) в июле 1852 г. еще имелось по 0,7 четверти зерна прошлогоднего урожая на каждого члена семьи, а у крестьян Петропавловского поместья Логофетов накануне жатвы 1847 г. – по 0,2 четверти.

Обладателями внушительных запасов хлеба были крестьяне Андреевского имения Андреевых (Белгородский уезд) и Кондоровского В. Коробковой (Старооскольский уезд). У первых в марте 1851 г. только невымолоченного хлеба имелось по 4 копны или примерно по 2 четверти зерна на душу, у вторых на 1 апреля 1850 г. – по 2,6 четверти. Подворная опись Волоконовской вотчины Кочубеев (Старооскольский уезд) зафиксировала в июне 1847 г. отсутствие хлеба у крестьян малочисленной беднейшей прослойки (13,7% дворов) и его наличие у среднесостоятельных крестьян по 0,4 четверти и у зажиточных по 3 четверти на душу обоого пола.

Наконец, согласно данным подворной описи слободы Ракитной за 1837 г., сбор озимых и яровых хлебов в 1836 г. составил в группе однолошадных и безлошадных крестьян 3,8 четверти на человека, в группе 2 – 4-лошадных – 4,8 четверти и в зажиточном слое – 5 четвертей¹⁸. Во всем Ракитянском имении, по подсчетам И.Д. Ковальченко, средние крестьяне собрали тогда по 5,5 четвертей зерна на душу обоого пола¹⁹.

Помещичьи крестьяне получали жизненные средства не только от земледелия, но и от животноводства, промыслов, «больших и ценных конопляников» или огородов, «свекловичных плантаций», упоминаниями о которых буквально пестрят уставные грамоты и другие источники.

Таким образом, количественный анализ важнейших производственных показателей крестьянского хозяйства продемонстрировал, что в середине XIX в. оно еще находилось в состоянии относительной стабильности и в целом обеспечивало крестьянам по меньшей мере простое воспроизводство жизненных и хозяйственных средств. С нашей точки зрения, это может служить убедительным доказательством прочности фундамента крепостной системы хозяйства на территории Курской губернии, которая накануне реформы 1861 г. еще не исчерпала всех возможностей для своего развития. Тем не менее, отмена крепостного права становилась все более настоятельным велением времени. Однако анализ причин реформы 1861 г. не входит в задачи данного исследования.

CONDITION OF THE SERF PEASANTS' ECONOMY OF KURSK PROVINCE IN THE MIDDLE OF 19TH CENTURY (ON BASIS OF SAMPLING PEASANT HOMESTEADS' INVENTORIES AGE OF FEUDALISM)

L.M. RYANSKY

Kursk State University

e-mail: rianskij@mail.ru

In this essay L. M. Ryansky by means of mathematico-statistical methods demonstrated that before abolition of serfdom privately-owned peasants of the Kursk province were able as a whole to keep their own house. Therefore corvee economy's production basis for the subsequent operation and development was remained.

Key words: peasants' homestead, mathematico-statistical methods, corvee economy, abolition of serfdom

¹⁸ РГАДА. Ф.1290. Оп.3. Д.5209.

¹⁹ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С.119.